

ОБЛАКА

24.11.2015

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В настоящее время в Государственной думе продолжается работа над законопроектом, который для многих гражданских активистов, работающих в сфере защиты прав заключенных, представляется, как минимум, неоднозначным. Новый законодательный акт призван уточнить существующие нормы, регулирующие применение силы, спецсредств и оружия в отношении заключенных, и поднять правовой статус, закрепив их на уровне закона.

Законопроект уже прошел первое чтение в Государственной думе и сейчас находится на той решающей стадии, когда еще есть возможность внести в него более или менее существенные поправки. Мы уже не раз говорили о позиции правозащитников в отношении отдельных аспектов этой законодательной инициативы. Как заключенные, так и общество в целом должно иметь представление о том, как рождается закон, который может оказать сильное влияние на ситуацию с правами человека в нашей пенитенциарной системе. Сегодня мы остановимся на тех противоречиях и спорах, которые возникали во время дискуссий, происходивших на недавнем заседании Рабочей группы, образованной при Госдуме специально для подготовки законопроекта ко второму чтению. В эту группу вошли представители Федеральной службы исполнения наказаний, Генеральной прокуратуры, Уполномоченного по правам человека, Совета по правам человека при президенте РФ и Общественной палаты.

Еще зимой этого года были внесены и согласованы между ведомствами и правозащитниками поправки к первоначальному варианту законопроекта, который, однако, так и не был передан в Госдуму. На прошлой неделе именно эти поправки стали предметом дискуссий на Рабочей группе. По некоторым положениям законопроекта членам Группы удалось прийти к общему мнению. Рассказывает директор Института прав человека Валентин Гефтер:

Во-первых, все согласились, даже ФСИН, с тем, что должно быть четко прописано в первой же статье... положение такое, что: физическая сила применяется, если ненасильственные действия сотрудников – уговоры, разговоры – не сработали. Спецсредства применяются, если не сработала физическая сила, огнестрельное оружие применяется, если не сработали спецсредства. Вот это градация будет записана в первой статье 28, которая называется «Общие требования к применению». Вот этот принцип должен выполняться. Я понимаю, что он такой общий, как бы такой рамочный, но все-таки он задает некоторый подход любого сотрудника.

Одной из важнейших тем дискуссии стало положение законопроекта, которое освобождало

сотрудников от ответственности за причинение вреда заключенному в результате применения физической силы, спецсредств или оружия. В ходе обсуждения была принята формулировка, по которой сотрудник не несет за это ответственности только при условии, «если применение силы признано правомерным». Комментирует Валентин Гефтер:

Значит, все-таки вред теперь не будет автоматически всегда при применении силы считаться.. позволено причинять вред... Что значит «признано правомерным»? Я настаивал на том, чтобы было сказано так – если признано не ФСИН, а хотя бы органами контроля и надзора, то есть прокуратурой – ну, хоть кто-то внешний хотя бы. Они говорят – это и так подразумевается – вот был спор. Вставить фразу – если признано такими-то органами – правомерно. Не прошло.

В силу того, что у правозащитников и силовых структур – разные цели и приоритеты, их подходы и позиции часто также различаются, что проявилось и в данном случае.

Это вообще очень часто – когда идут такие формулы не очень уточняющие, кто это должен делать, то нам всегда кажется, что это некая лазеечка для того, чтобы все это было только в рамках ФСИН. Что они сами применяют, сами и признают – правомерно-неправомерно. Конечно, формально-юридически мои оппоненты правы: никто не мешает никогда подать жалобу на любое применение силы в органы прокуратуры – это правда, нет проблем, и тогда только органы прокуратуры могут признать их правомерными или неправомерными. Поэтому это конечно не запрет на внешний надзор над применением силы – вот такая абстрактная формула «признано». Но мне хотелось, чтобы для сотрудников и для ФСИНовского начальства было четко указано, что это не ваша компетенция.

Без сомнения, ведомство должно проводить проверку по действиям своего сотрудника, но окончательное слово, по мнению правозащитников, должно оставаться за внешним надзорным органом.

Много критики было высказано в адрес данного законопроекта за то, что он предполагал возможность применения силы к заключенному в случае нарушения им режима содержания. Не только правозащитники, но и некоторые депутаты Государственной думы считали такое расширение прав для сотрудников избыточным и таящим в себе опасность злоупотреблений.

Правила внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы (ПВР) - это большой многостраничный документ, в котором записаны права и обязанности заключенных под стражу или лиц, отбывающих наказания. Очевидно, что далеко не все нарушения ПВР настолько серьезны, что требуют применения физической силы. Однако представители тюремной службы имеют на этот счет свое мнение и отстаивают свои позиции. Рассказывает директор Института прав человека Валентин Гефтер:

Представители ФСИН по-прежнему хотели, что – применять силу, если нарушается режим, кто-то предлагал, если нарушается ПВР – правила внутреннего распорядка, кто-то предлагал – условия отбывания наказания. В общем, все вот такие общие резиновые формулы. ... Все-таки настояли. И сейчас формула – я не помню сейчас точно, но смысл такой, что: закрытый перечень, то есть только несколько случаев, когда только можно применять физическую силу, как так сказать низшую ступень противодействия осужденным и заключенным... Что ее можно применять в нескольких случаях: первое – для предупреждения преступлений (ну, это понятно), ... в случае побега – там, конечно, сила нужна – наручники, и спецсредства, и сила, понятно. И третье – из-за чего был спор: никаких нарушений режима и так далее, а в случае неповиновения и неисполнения законных требований сотрудника.

Пока это - компромисс, тот максимум, который удалось достичь правозащитникам. Но в

таким виде это положение уже не оставляет полностью на усмотрение сотрудника применение физической силы в отношении заключенного, допустившего нарушение режима содержания.

Это, конечно, формула промежуточная. Но все-таки она не такая резиновая, как «воротничок», условно говоря, или там не встал на зарядку или там что-то еще. Все-таки неповиновение и неисполнение требования это совсем другое, чем просто усмотрение сотрудника, что кто-то нарушил режим без всякого противодействия. Все-таки это подразумевает, что есть некое сознательное противодействие осужденного.

Одним из спорных моментов в законопроекте были формулировки оснований, когда можно применять физическую силу, а когда – спецсредства, к которым относятся, например, резиновые палки, наручники и собаки. В начальном варианте законопроекта предполагалось, что физическую силу можно применять для «преодоления **противодействия законным требованиям** сотрудника». Однако, как считают правозащитники, в таких случаях следует применять не физическую силу, а спецсредства, и им удалось отстоять свое мнение.

Продолжает Валентин Гефтер:

Это будет в спецсредствах. А физсиле, которая все-таки считается меньшая степень опасности для жизни и здоровья, все-таки, считается, уровни разные – для физической силы, все-таки, подразумевается, что вот – «неисполнение законных требований и неповиновение». Я согласен с тем, что это все равно пониженный уровень разрешения применения силы. Но, ведь все познается в споре. Что говорили оппоненты? - А как нам быть, если он не встал на побудку, на зарядку? Мы говорим – как что? Напишите рапорт, выговор давайте, в ШИЗО помещайте, если злостное будет. Почему силу-то надо сразу применять? – А как нам его поднять? А я говорю, а зачем его поднимать?

Действительно, если человек не выполняет тех или иных действий, которые требуются от него в соответствии с распорядком дня, не реагирует на замечания, значит, он сознательно идет на нарушение и, соответственно, готов получить взыскание и понести наказание, возможно, в виде нескольких суток пребывания в штрафном изоляторе. Применение силы в подобных случаях не только неоправданно, но может повлечь за собой гораздо более серьезные негативные последствия в виде дестабилизации обстановки в учреждении в целом. Иногда такое непонимание со стороны сотрудников вполне искренне, но чаще их действия просто обусловлены действующими инструкциями.

Они очень часто что говорят еще: но у нас же так в инструкции написано! На что мы им все время отвечали. И тут мы – и Хинштейн, и я, и представители уполномоченного – говорили – инструкция это ваше дело, перепишите инструкции теперь, если по-другому будет в законе. Мы пишем закон, и закон имеет высшую силу. Поэтому инструкции – хорошие они или плохие – достаточные они или недостаточные, они должны приспособливаться к тому, как теперь будет написано в законе. А не наоборот – закон подвигать под существующую инструкцию.

Представители общественности считают необходимым, чтобы случаи применения силы, особенно с нанесением вреда, находили бы отражение как можно в большем количестве документов и как можно в более кратчайший срок после инцидента. При этом рапорта и справки о медицинском освидетельствовании не должны оставаться только в недрах ведомств, но должны направляться во внешние инстанции – в прокуратуру и к уполномоченному по правам человека. Из практики хорошо известно, что подобные случаи, как правило, очень трудно расследовать именно потому, что достоверных следов и подтвержденных свидетельств часто не остается. У микрофона директор Института прав

человека Валентин Гефтер:

Рапорта – рапорт сотрудника, который применял, начальнику учреждения. И потом – рапорт начальника, если какие-то последствия более весомые наступили для здоровья, или там в прокуратуру, или вышестоящему начальнику. Это все входит как бы в пакет первичных документов. Мы записали в своих поправках еще зимой, что кроме этого должны быть еще две вещи. Это – провести проверку происшедшего в рамках пока ФСИНа, и защитить потерпевшего. 9/ Про проверку договорились так – и тут я тоже стоял резко до конца – как минимум получение в 24 часа объяснения с потерпевших и свидетелей. Это – обязательно. Без этого никакого пакета первичной документации – ни в прокуратуру нельзя направлять, никому. Это должно быть автоматом. Вот это вроде бы пока записали.

Уточнение формулировок так называемого законопроекта «о применении силы», в преддверии второго чтения в Государственной думе, продолжается. То, что в этом процессе участвуют и представители гражданского общества, и правозащитники, внушает надежду, что применение физической силы, специальных средств и оружия в отношении заключенных получит качественное законодательное оформление, отвечающее современным требованиям и стандартам.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.